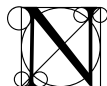

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЖОН ГРИШЭМ
БРОКЕР

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham
THE BROKER

Перевод с английского *А.А. Файнгара*

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*

Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernet Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Брокер : [роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ. А.А. Файнгара]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-114411-1

Джоэла Бэкмана сдали.

И теперь спецслужбы с интересом следят, какая из чужих разведок доберется до него первой.

Он владеет опасной информацией, и коды доступа к сверхсовременной системе спутникового шпионажа могут стоить жизни.

Помощи ждать неоткуда.

Тот, кто знает слишком много, всегда становится мишенью.

Удастся ли ему остаться в живых?..

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© Belfry Holdings, Inc., 2005
© Перевод. А.А. Файнгар, наследники, 2011
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-114411-1

Глава 1

3

аключительные часы своего президентства, которому наверняка суждено вызвать еще меньший интерес историков, чем даже пребывание в этой должности Уильяма Генри Гаррисона* (тридцать один день от инаугурации до кончины), Артур Морган проводил в Овальном кабинете в обществе единственного оставшегося у него друга и размышлял о последних решениях, которые предстояло принять. В эту минуту ему казалось, что в течение четырех лет он все делал не так, но был не вполне уверен, сумеет ли за считанные часы хоть чуточку что-то подправить. Его друг тоже не был в этом убежден, хотя, по обыкновению, говорил мало и лишь то, что президент хотел услышать.

Они говорили о помилованиях — отчаянных просьбах воров, растратчиков и лжецов, сидевших за решеткой или сумевших этого избежать, но мечтавших восстановить доброе имя и драгоценные права. Все они называли себя друзьями, или друзьями друзей, или искренними сторонниками, хотя мало кто из них имел возможность выразить президенту симпатии до этих последних минут. Как ни печально, четыре бурных года руководства свободным миром свелись к жалкой стопке прошений кучки мошенников. Кому из жуликов разрешить снова заняться любимым делом? Этот вопрос вопросов стоял перед президентом в его последние часы в Белом доме.

* У.Г. Гаррисон (1773—1841) — девятый президент США, простудился во время инаугурации 4 марта 1841 г. и умер от воспаления легких 4 апреля 1841 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Означенным другом был Криц, старый товарищ по студенческому братству в Корнеллском университете, когда Морган возглавлял студенческое самоуправление, а Криц содействовал ему возле избирательных урн. На протяжении истекающего четырехлетия Криц в разное время занимал должности пресс-секретаря, руководителя аппарата Белого дома, советника по национальной безопасности и даже государственного секретаря, хотя на последней должности он продержался всего три месяца и был спешно отозван, поскольку его уникальный дипломатический дар едва не привел к Третьей мировой войне. Последнее назначение Криц получил в октябре прошлого года, в безумные недели отчаянных усилий Моргана добиться переизбрания. Криц возглавил его предвыборную кампанию, когда опросы показывали серьезное отставание президента по меньшей мере в сорока штатах, и сумел восстановить против Моргана остальные, кроме разве что Аляски.

Эти выборы достойны называться историческими — никогда прежде действующий президент не получал столь ничтожного количества голосов избирателей. Если говорить точно, всего три, и все три — от Аляски, единственного штата, который Морган вопреки совету Крица не посетил в ходе избирательной кампании. Пятьсот тридцать пять голосов получил соперник и три — президент Морган. Слово «обвал» даже отдаленно не отражало масштаба разразившейся катастрофы.

Когда голоса были подсчитаны, соперник, следуя чьему-то глупому совету, решил оспорить результаты выборов в штате Аляска. «Почему бы не получить все пятьсот тридцать восемь голосов?» — рассуждал он. Никогда еще кандидату в президенты не подворачивался шанс разгромить соперника с рекордным сухим счетом. В течение шести недель президент вынужден был испытывать новые страдания, пока в Аляске продолжались судебные тяжбы. Когда Верховный суд в конце концов вручил ему три голоса выборщиков от этого штата, Морган с Крицем откупорили бутылку шампанского.

Президент Морган возлюбил Аляску, хотя утвержденные результаты голосования в этом штате дали ему ничтожный перевес — всего в семнадцать голосов.

Ему следовало воздержаться от посещения гораздо большего числа штатов.

Он проиграл даже в Делавэре, своем родном штате, просвещенный электорат которого некогда дал ему возможность провести восемь беспечных лет на посту губернатора. И точно так же, как он не нашел времени для поездки на Аляску, его соперник полностью проигнорировал Делавэр — не создал там группу поддержки, не разместил рекламу на местном телевидении и не заглянул туда даже проездом. И все же получил 52 процента голосов!

Криц расположился в глубоком кожаном кресле, держа на коленях список сотни дел, которые надо было завершить безотлагательно. Он смотрел, как президент переходит от одного окна к другому, вглядывается в темноту, размышляя, по всей видимости, о том, что все могло сложиться совсем иначе. Он был угнетен и унижен. В пятьдесят восемь лет жизнь его кончена, карьера — в руинах, брак близок к крушению. Миссис Морган уже вернулась в Уилмингтон и открыто смеялась над перспективой жизни в хижине на Аляске. Криц втайне сомневался в способности своего друга до конца дней жить охотой и рыболовством, хотя перспектива оказаться на расстоянии двух тысяч миль от миссис Морган выглядела более чем привлекательной. Они могли бы победить в штате Небраска, если бы кичливая аристократка первая леди не назвала местную футбольную команду сунерсами*.

Сунерсы штата Небраска!

Морган моментально скатился вниз в рейтингах общественного мнения и в Небраске, и в Оклахоме, но подняться так и не сумел.

А в штате Техас она попробовала кусочек знаменитого техасского чили**, и ее тут же прилюдно вырвало. Мадам срочно отправили в больницу, но микрофон успел ухватить ее до сих пор не забытые слова: «Как вы, бедные туземцы, можете брать в рот эту жуткую гадость?»

* Сунерсы («торопыги») — шутивное прозвище жителей штата Оклахома.

** Имеется в виду популярное в Техасе мексиканское блюдо их мяса, фасоли и перца чили.

Небраска дает пять голосов выборщиков. Техас — тридцать четыре. Оскорбление небраскской футбольной команды еще можно пережить. Но ни один кандидат не переживет презрительного отзыва о техасском чили.

Ничего себе, избирательная кампания! Крица подмывало написать о ней книгу. Кто-то ведь должен увековечить эту катастрофу.

Их сорокалетние партнерские отношения приближались к концу. Криц наметил себе местечко на 200 000 долларов в год у оборонного подрядчика, да к тому же не исключено было лекционное турне по 50 штук за выступление, если, конечно, найдутся желающие платить и слушать. Посвятив всю жизнь гражданской службе, он сидел без денег, быстро старел и очень хотел как следует заработать.

Президент с большой выгодой продал свой красавец дом в Джорджтауне. Он купил небольшое ранчо на Аляске, где его, по-видимому, любили. Он хотел прожить там до конца дней, занимаясь охотой, рыбалкой и, быть может, сочинением мемуаров. Во всяком случае, ничем, связанным с политикой и Вашингтоном. Он не собирается изображать политического старейшину, почетного председателя партии, мудреца, с высоты своего опыта изрекающего прописные истины. Никаких прощальных поездок, речей на партийных съездах, председательства в благотворительных или политологических фондах. Никакой президентской библиотеки. Люди высказались громко и недвусмысленно. Если он им не нужен, то и он, разумеется, обойдется без них.

— Нам следует принять решение относительно Кучинелло, — сказал Криц. Президент все еще стоял возле окна, глядя в крошечную тьму и по-прежнему размышляя о Делавэре.

— Кого?

— Фиджи Кучинелло, кинорежиссера, осужденного за соращение юной актрисочки.

— Сколько ей было?

— Кажется, пятнадцать.

— Слишком мало.

— Да уж. Он слинял в Аргентину, где живет уже десять лет. Умирает от ностальгии, хочет вернуться и снова снимать свои поганые фильмы. Он говорит, искусство зовет его домой.

— Скорее молоденькие девочки.

— И они тоже.

— Если бы хоть семнадцать, я бы согласился. Но пятнадцать...

— Он предлагает пять миллионов долларов.

Президент повернулся к Крицу:

— Он предлагает за помилование пять миллионов?

— Да, и торопит. Деньги должны быть переведены телеграфом из Швейцарии. Сейчас там три часа утра.

— Куда переведены?

— У нас есть офшорные счета. Это несложно.

— А что пресса?

— Сорвется с цепи.

— Как положено.

— Но на этот раз особенно яростно.

— А мне плевать на прессу, — сказал Морган.

«Тогда зачем спрашивать?» — хотелось спросить Крицу.

— Деньги можно будет отследить? — поинтересовался президент, отворачиваясь к окну.

— Нет.

Президент начал правой рукой почесывать затылок и шею — он всегда так делал, когда надо было принять трудное решение. За десять минут до того как едва не нанес ядерный удар по Северной Корее, он до крови расцарапал себе шею и перепачкал кровью воротник белой рубашки.

— Мой ответ — нет, — сказал он. — Пятнадцать — это уж слишком.

Без стука открылась дверь, и в кабинет ввалился Арти Морган, президентский сынок, с банкой пива «Хайнекен» в одной руке и какими-то бумагами в другой.

— Только что звонили из ЦРУ, — бросил он небрежно. На нем были выцветшие джинсы и ботинки на босу ногу. — К нам едет Мейнард. — Он бросил бумаги на письменный стол и вышел, довольно громко хлопнув дверью.

Арти взял бы эти пять миллионов не задумываясь, размышлял Криц, пятнадцать лет или не пятнадцать. Для него это совсем не так уж мало. Они могли победить в Канзасе, если бы Арти не застукали в мотеле Топики с тремя старшеклассницами, старшей из которых едва исполнилось семнадцать. Склонный к позерству, прокурор в конце концов снял обвинение — через два дня после выборов, — когда все три девушки дали подписку, что сексом с Арти не занимались. Они, честно говоря, пришли именно ради этого и уже успели раздеться, когда в комнату ворвалась мать одной из девочек.

Президент расположился в кожаном кресле-качалке и сделал вид, что просматривает какие-то бумаги, теперь уже никому не нужные.

— А что в последнее время говорят о Бэкмане?

За восемнадцать лет работы директором ЦРУ Тедди Мейнард и десяти раз не был в Белом доме. Никогда там не обедал (всегда отказывался от приглашений, ссылаясь на нездоровье) и ни разу не приходил туда ради того, чтобы поздороваться с какой-нибудь заезжей знаменитостью (ему было на них плевать). Раньше, когда он еще передвигался на своих двоих, он изредка заглядывал в Белый дом, чтобы посоветоваться с тем, кто в тот момент был президентом, или с кем-то из его советников. Теперь, будучи прикован к инвалидной коляске, он переговаривался с Белым домом по телефону. Дважды к нему в Лэнгли приезжал вице-президент.

Единственное преимущество пребывания в инвалидной коляске состояло в том, что оно служило прекрасным предлогом для визитов только туда, куда ему хотелось, и занятия только тем, что сулило удовольствие. Никому в голову не приходило гонять старого инвалида.

Отдав пятьдесят лет шпионажу, он теперь мог позволить себе роскошь во время передвижений смотреть не вперед, а в буквальном смысле назад. Мейнард ездил в белом фургоне без опознавательных знаков — пуленепробиваемые стекла, бронированные дверцы, два вооруженных с головы до ног охранника за спиной и хорошо вооруженный водитель, — его

коляску устанавливали через заднюю дверцу лицом назад, поэтому Тедди все видел, но его не видел никто. Еще два фургона следовали сзади на некотором расстоянии, и любая попытка пристроиться к директорскому фургону решительно и быстро пресекалась. Да таких попыток в общем-то и не было. Весь мир был убежден, что Тедди Мейнард давно умер или завершает жизненный путь в каком-нибудь тайном доме престарелых, куда отправляют умирать бывших шпионов.

Тедди себе ничего другого и не желал.

Он сидел, закутавшись в толстое стеганое одеяло, а заботился о нем Хоби, его верный помощник. Пока фургон двигался по вашингтонской кольцевой дороге с постоянной скоростью шестьдесят миль в час, Тедди потягивал зеленый чай, который подливал ему из термоса Хоби, и наблюдал за шедшими позади машинами. Хоби сидел рядом с коляской шефа на специально для него изготовленном кожаном стульчике.

Отпив очередной глоток, Тедди спросил:

— Где сейчас Бэкман?

— В камере, — сказал Хоби.

— А наши люди у начальника тюрьмы?

— Сидят у него в кабинете и ждут.

Еще глоток из бумажного стаканчика, тщательно поддерживаемого обеими руками. Руки хрупкие, с набухшими старческими венами цвета снятого молока, как будто бы они давно умерли и теперь терпеливо ждали, когда их примеру последуют остальные части тела.

— Сколько нужно времени, чтобы вывезти его из страны?

— Часа четыре.

— План в действии?

— Все готовы. Ждут зеленого сигнала.

— Надеюсь, этот болван со мной согласится.

Этот болван и Криц сидели, уставившись в стены Овального кабинета, и гнетущая тишина лишь изредка прерывалась каким-нибудь замечанием о Джоэле Бэкмане. Надо было о чем-то говорить, поскольку ни тому, ни другому не хотелось упоминать, что на самом деле занимало их мысли.

Неужели это случилось?

Неужели это конец?

Сорок лет. От Корнеллского университета до Овального кабинета. Все закончилось настолько внезапно, что они не успели как следует подготовиться. Они были уверены: у них есть еще четыре года. Четыре прекрасных года для приведения в порядок всех дел, и только потом — шемающийся душу закат.

Хотя было поздно, им казалось, что за окнами становится все темнее и темнее. Квадраты окон, смотревшие на Розовый сад, были черным-черны. Часы над камином начали чуть ли не физически осязаемый последний отсчет времени.

— Что сделает пресса, если я помилюю Бэкмана? — уже не в первый раз спросил президент.

— Взовьется как безумная.

— Это может даже оказаться забавным.

— Вас здесь уже не будет.

— Тем более. — После передачи власти завтра в полдень он исчезнет из Вашингтона на частном самолете нефтяной компании, который доставит его на виллу старого друга на острове Барбадос. По распоряжению Моргана телевизионщиков на виллу не пустят, не будет и корреспондентов газет и журналов, а все телефонные шнуры выдернут из розеток. Он не станет поддерживать связей ни с кем, даже с Крицем, и тем более с миссис Морган — по крайней мере в течение месяца. А Вашингтон пусть горит синим пламенем. В глубине души он надеялся, что так все и будет.

После Барбадоса он прошмыгнет в свою хижину на Аляске и по-прежнему не будет замечать внешний мир, во всяком случае, до прихода весны.

— Следует ли нам его помиловать? — спросил президент.

— Возможно, — сказал Криц.

Президент предпочел местоимение *нам*, он всегда так делал, когда предстояло принять потенциально непопулярное решение. В легких случаях говорилось *я* или *мне*. Если ему требовалась поддержка, если приходилось сваливать на кого-нибудь вину, он, приступая к процессу принятия решения, подключал Крица.

Криц сорок лет брал вину на себя и давно к этому привык, хотя ему это уже изрядно обрыдло.

— Весьма вероятно, мы не сидели бы сейчас здесь, если бы не Джоэл Бэкман.

— Возможно, ты прав, — сказал президент. Он всегда утверждал, что стал президентом благодаря блистательной предвыборной кампании, личной харизме, необыкновенной способности схватывать суть проблем и ясному видению будущего Америки. Признать в конце концов, что он обязан избранием Джоэлу Бэкману, было нелегко.

Но Криц проявил бессердечие или просто слишком устал. Его самого такое признание ничуть не шокировало.

Шесть лет назад бэкмановский скандал буквально захлестнул Вашингтон, замарав попутно и Белый дом. Над популярным президентом сгустились тучи, и перед Артуром Морганом расчистилась дорожка, по которой он проковылял до Белого дома.

Теперь, когда настало время ковылять в обратном направлении, он лелеял мечту о впечатляющей пощечине вашингтонскому истеблишменту, который все четыре года его игнорировал. Поблажка Джоэлу Бэкману сотрясет стены всех учреждений в округе Колумбия, а прессу приведет в ярость. Моргану нравилась эта идея. Пока он будет греться на барбадосском солнышке, столица снова закипит, конгрессмены потребуют расследования, прокуроры начнут изгаляться перед камерами, а занудные говорящие головы — нескончаемо болтать на всех телеканалах.

Президент улыбнулся, глядя в темноту.

На Арлингтонском мемориальном мосту через Потомак Хоби в очередной раз подлил зеленого чая в бумажный стаканчик.

— Спасибо, — тихо проговорил Тедди. — Что наш приятель будет делать завтра, когда покинет Белый дом?

— Исчезнет из Штатов.

— Мог бы и пораньше.

— Он собирается провести месяц на Карибах, зализывая раны, повернувшись к миру спиной, дуясь на весь свет и ожидая, когда кто-нибудь вспомнит о нем.

— А миссис Морган?

— Она уже в Делавэре, играет в бридж.

— Они разводятся?

— Если у него хватит ума. Впрочем, кто знает?

Тедди аккуратно отпил глоток.

— Есть ли у нас рычаги воздействия, если Морган заартачится?

— Не думаю, что он заартачится. Предварительный разговор прошел довольно гладко. Похоже, Криц на нашей стороне. Он сейчас гораздо лучше, чем Морган, понимает ситуацию. Криц отдает себе отчет в том, что если бы не бэкмановский скандал, им бы не видать Овального кабинета.

— И все же есть на что надавить, если он заупрямится?

— По правде говоря, нет. Он идиот, но чистенький.

Они свернули с авеню Конституции на Восемнадцатую улицу и вскоре уже въезжали в восточные ворота Белого дома. Из темноты возникли люди с автоматами, фургон окружили агенты секретной службы в черных пальто. Были названы пароли, запищали радиотелефоны, и через несколько минут Тедди вместе с коляской выгрузили из машины. Внутри помещения беглый осмотр инвалидной коляски не выявил ничего, кроме укутанного в одеяло беспомощного старика.

Арти, на этот раз без «Хайнекена», но снова без стука заглянул в кабинет и объявил:

— Мейнард явился.

— Выходит, он еще жив.

— Едва-едва.

— Тогда кати его сюда.

Хоби и Придди, заместитель Тедди, вошли вслед за коляской в Овальный кабинет. Президент и Криц поздоровались с ними и предложили гостям устроиться возле камина. Если Тедди избегал Белого дома, то Придди был здесь практически

завсегдаем, он каждое утро снабжал президента разведывательной информацией.

Расположившись, Тедди оглядел комнату, словно надеясь увидеть «жучки» или иные подслушивающие устройства. Он был почти уверен, что их тут нет, этим играм пришел конец после Уотергейта. Никсон протянул по Белому дому столько проводов, что их хватило бы на небольшой городок, но, как известно, ему это дорого обошлось. Однако Тедди явился во всеоружии. Над осью его инвалидной коляски был аккуратно запрятан мощный магнитофон, который не упустит в ближайшие тридцать минут ни единого звука.

Он попытался улыбнуться президенту Моргану, хотя желал сказать ему нечто вроде: «Без сомнения, ты самый недалекий политик, с которым мне довелось иметь дело. Только в Америке такой болван, как ты, мог взобраться на самый верх».

Президент Морган улыбнулся Тедди Мейнardu, хотя ему хотелось сказать нечто вроде: «Мне надо было уволить тебя четыре года назад. От твоего ЦРУ нашей стране одни неприятности».

Тедди:

— Меня крайне удивило, что ты выиграл в одном штате, правда, с перевесом всего лишь в семнадцать голосов.

Морган:

— Ты не способен найти террориста, даже если его рожа будет маячить на всех рекламных щитах.

Тедди:

— Удачной рыбалки. Форелей поймаете еще меньше, чем голосов.

Морган:

— И чего ты не умер, хотя мне все это гарантировали?

Тедди:

— Президенты приходят и уходят, а я остаюсь.

Морган:

— Это Криц предложил тебя оставить. Скажи ему спасибо. Я хотел отправить тебя в отставку через две недели после инаугурации.

— Кому-нибудь кофе? — спросил Криц.